

Ю. И. Гревцов

СУБЪЕКТ ПРАВА

Позитивный порядок в обществе, равно как и различные сбои в правовом регулировании, беспомощное поведение субъектов права или весьма искусное игнорирование закона или его обход, — все это, в конечном счете, дело рук самих субъектов права. Знание о субъекте права в нашем правоведении в большинстве своем ограничивается представлением о нем как о лице, обладающем правоспособностью и дееспособностью. Можно полагать, что такое знание есть знание пассивное, поскольку обозначает субъекта права в состоянии полного покоя (правоспособность — это *потенциальная возможность* иметь права, нести юридические обязанности; дееспособность — *способность* осуществлять своими действиями права, исполнять обязанности, но не их осуществление). Все отчетливее ощущается необходимость в знании о субъекте права в динамике, действующем субъекте права. Очевидно, самым первым шагом в этом направлении должно стать выяснение того, какие свойства (характеристики) субъекта права способствуют ему «вписаться», «вложиться» в закон и таким путем добиваться тех или иных целей. В статье предпринимается попытка пролить определенный свет в этом направлении — на неизвестные или недостаточно известные грани, казалось бы, в хорошо известном.

Ключевые слова: субъект права, свобода внутренняя, правосознание, социальная ответственность, природа ответственности, позитивная юридическая ответственность, назначение позитивной ответственности.

Yuri I. Grevtsov

LEGAL PERSON

Positive order in the society, as well as different failures in legal regulation, helpless behaviour of the legal persons, or rather skilful ignoring of the law or its circumvention – it is the work of the legal persons themselves. Knowledge of a legal person in our legal science is mostly limited to its perception as a person possessing a legal capacity and capability. It can be assumed that it is passive knowledge, because it characterizes a legal person in a state of profound rest (legal capacity is a potential possibility to have rights and legal duties; legal capability is an ability to exercise rights, to perform duties by means of the actions, but not the performance). The necessity to get knowledge about a dynamic acting legal person is more and more evident. The first step in this direction is, obviously, the identification of the properties (characteristics) of a legal person which enable it to be involved in the legislation and in such a way to achieve its objectives. The article attempts to clarify the unknown or insufficiently known aspects in the phenomenon which seems to be well-known.

Keywords: legal person, internal freedom, legal consciousness, social responsibility, nature of responsibility, positive legal liability, purpose of positive liability.

1. Субъект права (и понятие о нем) относится к центральным явлениям правовой действительности. Казалось бы, этот факт должен стимулировать необходимое внимание ученых к субъекту права, в результате чего правовая наука и юридическая практика могли накопить на этот счет обширные и вместе с тем значимые для практики

Гревцов Юрий Иванович — доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; georg_42@mail.ru

Grevtsov Yuri Ivanovich — doctor of legal sciences, professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; georg_42@mail.ru

сведения. Увы, это не так, определенно можно говорить лишь о двух признаках субъекта права — *правоспособности и дееспособности*.

Считается, что наличие правоспособности и дееспособности позволяет говорить о лице как о субъекте права. Однако какова природа правоспособности и дееспособности? С юридической точки зрения природа рассматриваемых явлений — в законе. Логически заверченный вывод из этого следующий: поскольку правоспособность и дееспособность «вытекают» из закона, то и субъект права есть творение законодателей, закона.

Если вдуматься в содержание понятий правоспособности и дееспособности, каждое из которых обозначает *способность* (способность иметь права, способность своими действиями осуществлять свои права, исполнять обязанности), то становится очевидным, что субъект права (в качестве творения закона) есть лицо, находящееся в состоянии полного покоя и лишь потенциально готовое к действиям. *Но не действующее*. Потому, что правоспособность не есть обладание субъективными правами, а только возможность такого обладания. Понятие дееспособности также не отражает особенностей реального использования или защиты субъективного права, исполнения юридических обязанностей, а обозначает только способность лица это делать. Получается, что мы кое-что знаем о субъекте права, так сказать, в статике и почти ничего не знаем о действующем субъекте права (в динамике). Между тем правопорядок, так же как и проблемы, конфликты, которые возникают в правовой реальности, являются делом рук именно субъектов права. Поэтому так важно обратиться к юридически значимым характеристикам действующего субъекта права.

Полагать, что поведение субъекта права, как в рамках правовых отношений, так и вне их, определяется юридическими нормами, не совсем корректно. Определяющая сила норм права — это юридическая фикция, настолько полезная, насколько и вредная, если иметь в виду познание права, в особенности проблем субъекта права. Необходимо располагать знанием о том, какие качества, свойства самого субъекта права укрепляют или ослабляют, а то и вовсе сводят на нет эту самую «определяющую» силу нормы права.

Чиновник, судья, законодатель, гражданин — все это субъекты права. С точки зрения существующего представления о субъекте права как лице, обладающем правоспособностью и дееспособностью, они одинаковы (каждый субъект права обладает правоспособностью и дееспособен). Но как действующие субъекты права они могут сильно различаться. На этот счет М. К. Треушников тонко заметил: процессуальный кодекс — как ноты, по которым один судья сыграет так, что заслушаешься, а другой — так, что уши заткнешь.¹

Субъект права — это живой человек, являющийся носителем *нравственно-культурных начал*, обладающий *правосознанием, той или иной мерой свободы, ответственности*, а также имеющий определенный *жизненный и профессиональный опыт*. И поскольку названные свойства усваиваются, обретаются, вырабатываются каждым человеком, а не «вкладываются» в каждого в равной мере, постольку субъекты права являются величинами разными, и степень различия также величина отнюдь не постоянная.

2. Свобода субъекта права. Принято считать, что принуждаемый к действиям человек, вынужденный действовать только в соответствии с внешними императивами, по большей части лишен возможности выбора. Такой человек, хотя и оказывается причисленным законом к субъектам права, таковым в действительности может выступать

¹ Треушников М. К. Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике. М., 2009. С. 292.

(и выступает) далеко не в полной мере. Но дело не только во внешних требованиях и внешней свободе. Если ограничиваться пониманием только этой стороны дела, знание о свободе человека окажется неглубоким, поскольку есть еще одна составляющая свободы человека — *его внутренняя свобода*.

И. Кант писал, что должное есть обязанность, если она продиктована внешними требованиями, но должное становится внутренней моральной свободой, если субъект руководствуется нравственным законом, когда моральный закон непосредственно определяет волю.²

Е. Н. Трубецкой подчеркивал, что право властвует над нами не как непреодолимый закон природы, а как требование, обращенное к нашей свободной воле, веление, которое мы можем исполнить или нарушить. Ученый считал, что право предполагает свободу в двояком смысле: во-первых, как способность нашей воли сознательно избирать то или другое поведение (свобода внутренняя) и, во-вторых, как возможность действовать, преследовать и осуществлять какие-либо цели в мире внешнем (свобода внешняя).

Свобода внутренняя предполагается правом как условие существования самого права, к ней предъясняет веления право; веления эти имеют смысл лишь постольку, поскольку они обращены к существу, способному сознательно избирать и преследовать ту или другую цель, тот или иной образ действий. В этом смысле свобода составляет неотъемлемое качество всякого разумного существа.³ Однако сказанное не следует понимать буквально в том смысле, что ограничения и связанное с ними принуждение являются врагом свободы, не говоря уже о представлении, которое видит между ними глухую стену — либо свобода, либо ограничения. Свобода отнюдь не отрицает ограничения, более того, она их предполагает. Свобода, как можно заключить из происхождения самого понятия, подчеркивал А. Фергюсон, не имеет в виду отсутствие всех ограничений, скорее, она представляет собой самое действенное применение всех справедливых ограничений ко всем членам свободного государства, будь они должностные лица или граждане.⁴

Великая тайна свободы, писал И. А. Ильин, состоит в том, что человек призван не к внешнему самоосвобождению от закона (таков путь революции, анархии, деспотизма), но к внутреннему самоосвобождению в пределах закона (таков путь лояльности, правопорядка, здорового развития). Внутреннее самоосвобождение выражается в добровольном ограничении (самообязывании), оно освобождает человека не от закона, а в законе. Человек не призван ниспровергать правопорядок, он призван беречь его, ограждать и совершенствовать его содержание, верно и терпеливо реформируя его. Свобода от закона есть анархия, бесправие и гибель. Человек может быть свободен только под законом и перед законом, и эта законная свобода будет тем прочнее и полнее, чем больше человек опирается на внутреннюю свободу.⁵

3. Правосознание. Субъект права, как действующий в юридическом поле человек, немислим без здорового, живого, работающего правосознания. Нормальное правосознание, писал И. А. Ильин, есть волевое состояние духа, активное и творческое. Оно ищет в жизни свободного, верного и справедливого права и заставляет человека вести борьбу за его обретение и осуществление. Но у правосознания есть и другие задачи, поскольку оно связано с глубокими источниками духовной жизни: ему необходимы

² Кант И. Критика чистого разума. Соч. В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 311.

³ Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. М., 1998. С. 17.

⁴ Цит. по: Хайек фон Фридрих. Право, законодательство и свобода. М., 2006. С. 513.

⁵ Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 254.

и вера, и любовь, и внутренняя свобода, и патриотизм, чувство справедливости и ответственности. Вот почему нормальное правосознание отнюдь не сводится к верному знанию положительного права. Оно вообще не сводится к одному «знанию», потому что включает в себя все основные функции душевной жизни.⁶

Если человек хочет видеть свои личные права огражденными и защищенными, то он должен «вложиться» своим правосознанием в общественную правовую жизнь и верно участвовать в ее устройении. В качестве законодателя он должен творить законы из глубины своего правосознания. В качестве судьи и чиновника он должен толковать и применять законы так, как этого требуют его здоровое и справедливое правосознание. В качестве рядового гражданина — принять закон в свое правосознание, включить приказы, запреты, дозволения, содержащиеся в законе, в процесс мотивации своего поведения.⁷ Субъект права — это лицо, имеющее ясное представление о своих правах и юридических обязанностях, нацеленное на их защиту и толерантное отношение к правам другого (считающееся с тем, что другой также является субъектом права).

4. Ответственность как признак (свойство) субъекта права. Мы привыкли рассуждать об ответственности субъекта права — убийце, насильнике, мошеннике и пр. Общий настрой рассуждений все еще большинства отечественных правоведов можно концентрированно выразить следующим образом: юридическая ответственность может быть только ответственностью за совершенное правонарушение.

А если иметь в виду субъекта права, который активно действует, как сейчас принято говорить, в юридическом поле, — руководителя, судью, предпринимателя, работника, гражданина? Неужели они могут представлять интерес (с точки зрения ответственности) только тогда, когда что-нибудь украдут или кого-то ограбят? Казалось бы, абсурд, но в нашем правоведении вот уже почти столетие дело обстоит именно так — большинство юристов ответственность определяют как наказание, ограничив ее тюремными стенами, и радеют лишь о том, чтобы ни под каким предлогом ее оттуда не выпускать.

В результате сложившееся в нашем правоведении положение дел с познанием и объяснением юридической ответственности все больше ассоциируется с глухим застоем. И одной из причин, возможно основной, является методологическая сумятица.

Юридическая ответственность является разновидностью *социальной ответственности*, т. е. выступает видом социальной ответственности (с этим, как будто, никто не спорит). Но если так, то это не может не обязывать исследователя юридической ответственности с таким выводом методологического характера считаться и согласиться, что род определяет вид, а не наоборот. Вид, разновидность могут, конечно, иметь свою специфику, но в основных своих характеристиках должны соответствовать, а не противостоять роду, основные признаки которого обычно концентрированно выражены в родовом понятии. К примеру, родовое понятие «стул» обозначает основные признаки этого предмета. А именно: сиденье, четыре ножки, спинка. Та или иная разновидность стула может быть изготовлена из дерева или металла, ножки могут быть прямыми или витыми, сиденье жестким или же мягким, однако во всех разновидностях стула мы обнаружим четыре ножки, спинку и сиденье.

Большинство наших авторов, пишущих о юридической ответственности, упомянутый выше методологический принцип, согласно которому вид должен иметь основные характеристики рода, похоже, игнорируют. Поясним сделанный вывод.

⁶ Ильин И. А. Теория государства и права. М., 2003. С. 213.

⁷ Там же.

В источниках, где речь идет о социальной ответственности как родовом понятии, представлены два значения социальной ответственности: а) *ответственность за совершаемое или предстоящее поведение* (проявлять ответственность при выполнении задания, ответственность за семью и др.) — позитивная ответственность; б) *ответственность за уже совершенное поведение* (привлечь к ответственности) — ретроспективная ответственность. Такая ответственность выражается в санкциях, наказании за уже совершенное (в прошлом) асоциальное поведение.⁸

Согласуются ли видовые понятия о юридической ответственности с родовым понятием ответственности (социальной)? Если иметь в виду понятия юридической ответственности, отстаиваемые в нашем правоведении большинством авторов, ответ отрицательный, поскольку толкуют только о втором значении юридической ответственности — как только наказательной ответственности за уже совершенное противоправное поведение.

Почему в нашем правоведении возобладали такой подход? Ответ следует искать в его методологии, которая являлась и продолжает оставаться методологией юридического позитивизма (нормативизма), причем позитивизма, скорее всего, в российской интерпретации. Одним из следствий применения такой методологии, как известно, явилась борьба за чистоту юридической науки. Утверждалось, что исследователь не должен использовать (и тем самым «загрязнять» правоведение) результаты гуманитарных исследований (сознания, общественных отношений, социальной ответственности и др.). К примеру, изучающему правовые отношения не следует обращаться к результатам исследований общественного отношения как родового явления; то же самое можно сказать и об исследовании юридической ответственности, познание которой у нас происходило и происходит в полном отрыве от результатов познания социальной ответственности.

Но большинство, даже подавляющее большинство, — еще не все. В науке принцип демократии — мнение большинства является определяющим — не применим (его применение губит науку).

Однако необходимо заметить, что в нашем правоведении существовало и продолжает существовать и крепнуть направление, в котором обсуждение проблем ответственности субъекта права вышло за рамки сугубо формального. Так, П. Е. Недбайло, скорее всего первым в правоведении, призвал к изучению юридической ответственности за совершаемое (или предполагаемое) поведение. Ученый писал, что главное в юридической норме не санкция, а диспозиция, поэтому необходимо внимание исследователей к факторам, которые стимулируют субъектов права к точному осуществлению диспозиций правовых норм.⁹

По мнению В. С. Прохорова, П. Е. Недбайло одним из первых увидел социальный смысл ответственности в деятельности, соответствующей общественным требованиям и идеалам времени. Позитивная ответственность, считал ученый, возникает у человека уже тогда, когда он приступает к исполнению своих обязанностей, а не только тогда, когда он их не исполняет.¹⁰ Развивая такой подход, В. С. Прохоров писал, что стремление глубже понять природу ответственности потребовало выйти за рамки чисто

⁸ *Большой толковый словарь русского языка* / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. С. 740.

⁹ Недбайло П. Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. 1971. № 3. С. 5.

¹⁰ Прохоров В. С. Понятие и виды юридической ответственности // 70 лет советскому государству и праву. Л., 1987. С. 489.

правовых конструкций с тем, чтобы опереться в своих рассуждениях на методологический фундамент философии и социологии. Так возникла возможность соотнести понятие юридической ответственности с общим понятием социальной ответственности.¹¹

В. Н. Кудрявцев заметил, что ретроспективная ответственность, связанная с назначением и применением наказания, не является самоцелью. Главный ее смысл состоит в том, чтобы исправить и перевоспитать правонарушителя. А это означает пробудить в нем, а также укрепить в окружающих чувство ответственности за свои поступки в будущем, понимание социального значения своего поведения. Следовательно, ретроспективная ответственность есть лишь специфический метод обеспечения ответственности позитивной.¹²

Можно обозначить принципиальные характеристики такой ответственности: она является внутренним свойством субъекта права, касается совершаемого или предполагаемого поведения. Позитивная ответственность «связывается» с целями, задачами, которые субъект права в силу своего правового статуса, полномочий (социальной роли) призван преследовать и решать. Назначение ответственности состоит в возбуждении активности субъекта права в направлении достижения законных целей; ответственное отношение субъекта права предполагает проявление честности, осмотрительности, заботливости, четкого соотнесения своих действий и возможных результатов с установлениями закона.

Становится все более очевидным, что нет смысла говорить о позитивной ответственности субъекта права, находящегося в состоянии полного покоя, как нет особого смысла говорить о такой ответственности вообще, абстрактно. Но имеет прямой смысл обсуждение проблем позитивной ответственности субъекта права, *облеченного правами и обязанностями в осуществлении какой-либо деятельности, в руководстве делами.*

Позитивная ответственность находит отражение в действующем законодательстве. Так, в разделе втором (Заключительные и переходные положения) действующей Конституции РФ в п. 4 говорится: Совет Министров — Правительство Российской Федерации со дня вступления в силу настоящей Конституции приобретает права, обязанности и ответственность. Очевидно, что в действующей Конституции РФ имеется в виду ответственность за действия, которые Правительству предстоит еще совершить. Указывается на позитивную ответственность и в Федеральном законе РФ «Об основах государственной службы в Российской Федерации», где говорится, что ответственность госслужащих за подготавливаемые и принимаемые решения — принцип государственной службы. Нужно заметить, что и в судебной практике непоявление позитивной ответственности начинает учитываться. Сегодня суды, назначая наказание руководителю организации, который (не имея преступного намерения) заключил сделку, имевшую своим следствием ущерб для организации, мотивируют свое решение тем, что руководитель, заключая сделку, не проявил должной осмотрительности, заботливости.

Природа ответственности субъекта права. Установить природу социальной ответственности, не принимая во внимание *внешних* требований, которые общество и государство предъявляют к индивиду, невозможно. Это — важный момент, поскольку внешние требования находятся в русле так называемой *внешней свободы, имеющей самое непосредственное отношение к ответственности индивида в обществе.* Такая свобода есть познанная необходимость. Осознанное понимание внешней необходимости (например, требований правовых норм, ценностей) может лежать в основе мотивации индивидом поведения и проявления ответственного отношения к предстоящей деятельности.

¹¹ Там же. С. 490.

¹² Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978. С. 108.

Вместе с тем истинное, этическое воззрение на жизнь требует от человека исполнения внутреннего долга, долга к самому себе (перед собой), перед душой, которую он должен не погубить, а обрести. При этом выбрать себя не значит только вдуматься в свое «я» и только в его значение, но воистину и сознательно взять на себя ответственность за всякое дело или свое слово (Кьеркегор). Отмеченное — царство *внутренней свободы*, внутренних требований к самому себе. В этом случае мы имеем дело с внутренней свободой человека. Очевидно, внутренняя свобода есть в определенном смысле условие, предпосылка внешней свободы и тем самым и ответственного поведения в обществе.

Природа ответственности, в первую очередь, в усвоенных этических ценностях, нормах (этических навыках, культуре). Главным институализированным источником культурного поведения выступают исторические религии и этические системы. Этическая система всякий раз создает моральную общность, ибо, как писал Гегель, является языком добра и зла, который позволяет владеющим им вести совместную моральную жизнь, способствуя утверждению *доверия* между его членами].¹³

Очевидно, что внутренняя свобода и внутренняя ответственность не являются величинами, которые исходят от государства. Они обретаются, формируются индивидами, но не сразу и не вдруг, а в процессе социализации и активной социальной деятельности. В позитивной ответственности могут проступать, с той или иной четкостью, и нравственно-этический «капитал», и работающее правосознание, и чувство свободы субъекта права.

Можно думать, что позитивная юридическая ответственность есть полномочный представитель социальной ответственности в правовом поле. Она не существует сама по себе, а «прорастает» на базе усвоенных этических ценностей, ее рациональность связана с правосознанием, ее интенсивность определяется состоянием (мерой) свободы субъекта права. Понимание этого может охладить пыл тех, кто все еще ищет юридическое содержание позитивной юридической ответственности. Конечно, юридический характер позитивной ответственности отрицать нельзя, но он состоит в том, что, во-первых, носителями такой ответственности являются субъекты права; во-вторых, такая ответственность предполагает добросовестное, честное, осмысленное, посредством правосознания, использование именно субъективных прав, исполнение юридических обязанностей, приводящее к юридически значимым последствиям. Можно сделать вывод, что существование позитивной ответственности не в том, *что* делает субъект, а в том, *как* он делает это самое *что* (добросовестно, честно, рационально, осмотрительно, заботливо).

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2013 г.

¹³ Фукуяма Ф. Доверие. М., 2008. С. 69.